

ЦЫМБУРСКИЙ В.Л.

ЭТНО- И ЛИНГВОГЕНЕЗ ТРОИ КАК ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ
ПРОБЛЕМЫ

(к 75-летию со дня рождения Л.А.Гиндина)*

На протяжении всего научного пути Л.А.Гиндина (25.07.1928 – 23.04.1994) этноязыковые судьбы Трояды – региона на стыке Анатолии и Балкан, Эгеиды и Причерноморья – оставались предметом его неслабеющего интереса. Он был уверен, что история страны, воспетой Гомером (тут явно сказывалось образование филолога – классика), способна дать ответ на многие вопросы, связанные с индоевропейской прародиной, диалектным членением индоевропейской общности и миграциями ее народов. Приближающийся юбилей ученого – достойный повод обсудить его достижения в этой области. Тем более, что для этого есть и более частный стимул – вышедшая посмертно в Инсбруке монография Л.А.Гиндина «Троя, Фракия и народы древней Малой Азии» [Gindin 1999], которая знакомит немецкоязычного читателя с содержанием двух книг автора, опубликованных по-русски в 1981 и 1993гг. – соответственно, в Софии и в Москве [Гиндин 1981; 1993]. Законченная весной 1992г., эта монография была призвана подвести итог многолетним исследованиям ученого по этно- и лингвогенезу Трояды и соседних с нею территорий по обе стороны проливов – каким этот итог тогда ему виделся. Из-за многих причин, освещенных в послесловии В.Майдом [Gindin 1999:320-324], редактирование перевода и выпуск труда затянулись на семь лет. Сегодня этот итог исканий Гиндина предстает несколько иначе в свете наших с ним совместных статей о прагреческом присутствии в Трояде с конца III тыс. до н.э., написанных в последние месяцы перед внезапной кончиной Леонида Александровича [Гиндин-Цымбурский 1994; 1995]. Впрочем, значения книги «Троя, Фракия и народы древней Малой Азии» это обстоятельство не умаляет: надо учесть, что на Западе нет сравнимых по охвату материала работ, где бы лингвистическая история Трои воссоздавалась в столь большом контексте индоевропеизации Анатолии, Эгеиды и Балкан бронзового века.

Мое участие с 1980-х гг. в троянских изысканиях Гиндина в качестве собеседника и, временами, соавтора, определило установку предполагаемого обзора. Я хотел бы показать читателю логику исследовательского процесса, предварительно подытоженного иннсбрукской монографией, но ею не исчерпанного. В нем можно выделить три фазы, из которых рецензируемая книга вполне освещает первые две. Каждая из этих фаз

* Вопросы языкознания 2003, № 3.

знаменовалась разработкой особого этноязыкового образа древней Трои. Впрочем, как бы ни разнились от фазы к фазе эти тщательно прописываемые образы, характерно для Гиндина было то, что при каждом новом повороте мысли старые тезисы почти никогда не отбрасывались – но вводились в новую картину на правах аспектов уточняемой истины или диахронных звеньев реконструкции, в целом увязывающей факты в исторический гештальт каждый раз существенно иначе, с новыми акцентами, чем это делала предыдущая версия. Показать, как осуществлялись эти межфазовые переходы в осмыслении исследователем истории города Трои, как они взаимодействовали со все более детализируемой трактовкой процессов в регионах, стыкующихся через Трою – в этом основная цель моего обзора.

В 1970-х позиция Гиндина среди его старших современников и просто современников, высказывавшихся по троянской проблематике, была однозначна до жесткости: вразрез со сторонниками идеи «греческой Трои» (К.Блеген и на рубеже 50-60-х гг. – Дж.Меллаарт) или «Трои хетто-лувийской» (В.Георгиев, Л.Палмер, с 1962г. – Дж.Меллаарт, а в СССР тех лет – В.В.Шеворошкин и, в какой-то мере, Вяч.Вс.Иванов) он отстаивал видение гомеровской Трои как города, примыкающего к миру ранних фракийцев.

При этом он ссылался на такие неоспоримые языковые соответствия, как: 1) **Skaiaī\ pul ai** «Скейские ворота» в гомеровском Илионе (Π.Π, 145,263 и др.) ~ во Фракии гидроним **Skaioj potamj**, кастель **Skaion teioj**, племя **Skaioi/** вар. **Skaiboai** < фрак. *Skaī-wa- с возможным значением «светлый»; 2) топонимы в Троаде Κεβρήν, Κεβρηρία, этноним Κεβρηνοί, также имя одного из сыновей Приама Κεβριόνης (Π. VIII, 318 и др.) ~ племя Κεβρήνιοι в Эгейской Фракии, далее название реки Κέβρος в бассейне Дуная; 3) троянск. Περκότη, город с гаванью на побережье, обращенном к Фракии ~ старинное наименование Фракии Πέρκη (St.Byz. s.v. Θράκη) < и.-е. *perk^{wā} «лесистая страна»; 4) Ζέλεια, местность на северо-востоке Трои ~ фракийские глоссы: **zeal aj, zhl aj, zil ai** со значением «вино» < и.-е. *g'hel(H)-yo-/*g'hl(H)-yo-, ср. др.-инд. hāla «вино», греч. χάλις «молодое вино», слав.*zelje. Древнейший уровень в истории фрако-троянской общности должны были, по Гиндину, отражать сами названия Трои (гом. Τροία, ион. Τροίη, дор. Τρωία) и троянцев (**Trwej**) с этимологической основой *Trous-. Он доказывал, что это – та самая основа, служившая исконным обозначением прафракийских этносов, которая с балкано-фракийским переходом -ou- > -au- и общегреческим дописьменным развитием -s->-h-, дала в греческом собирательный термин Θράκες, Θράκες < *Traus-ik-«фракийцы», а во Фракии сохранились как название

большого племени Τρωσοί, Thrausi. На этой, первой ступени своих троянских штудий Гиндин создает образ Трои как страны, некогда самим своим именем включавшейся в «Пра-Фракию». Обратим внимание на то, что наименование фракийцев и троянцев в греческом характеризуются устранением этимологического интервокального -s-, домикенским явлением, которое должно быть отнесено, самое позднее, к первой половине II тыс. до н.э. При этом этноним Τρωῆς несет более древний вокализм по сравнению с Θράκης. Выходит, ко времени знакомства с ранними греками племена на противоположных сторонах проливов уже звались по-разному, генетически тождественные имена разошлись в своем звучании. Эти обстоятельства склоняют к тому, чтобы условно датировать предполагаемую фрако-троянскую общность в ее древнейшей форме – III тыс. до н.э., эпохой ранней бронзы [Гиндин-Цымбурский 1996:214].

Подкрепляющими археологическими доводами в пользу фракийской идентичности троянского региона Гиндину служили как облик последней догреческой Трои VIIb2 (середина XII – начало XI в. до н.э., по К.Блегену) с ее культурой «фракийского гальштатта» [Šiškova 1971; Dimitrov 1971], так и результаты раскопок Н.Я.Мерперта и его болгарских коллег, открывших во Фракии раннебронзовые поселения Эзеро и Юнаците [Георгиев-Мерперт 1979; Мерперт 1988; Гиндин 1993: 135-140]. Ведь эти раскопки, во-первых, показали родство Трои I-II, а также соседних с нею эгеоостровных культур III тыс. до н.э. на Лесбосе и Лемносе (Терми, Полиохни) – континентальным восточнобалканским культурам (те же Эзеро и Юнаците, Караново VII), возникшим несколько раньше во второй половине IV тыс. до н.э. и относимых М. Гимбутас к так называемой «Курганной волне III» [Gimbutas 1974]. А во-вторых, для Юнаците археологи показали культурную непрерывность от начала бронзового века до прихода века железного. Когда Л.А.Гиндин, вслед за Блегеном отождествляя «Трою Лаомедонта и Приама» с археологическими Троей VI-VIIa (XVIII-XIII вв. до н.э.), призывал трактовать эти слои как эволюционное связующее звено между раннебронзовым «прафракийским» городом и слоем «фракийского гальштатта» [Гиндин 1981:188], - он, по сути, экстраполировал на этот край характерную для некоторых районов Фракии хронологическую континуальность населения и культуры. При этом в пренебрежении пока оказывались те археологические показания, которые для Трои ставят подобную преемственность под вопрос или прямо ее оспаривают. Они попадут в фокус интересов Гиндина позже, в увязке с языковыми данными, также не вполне укладывающимися в идеальный образ «фракийской Трои».

Впрочем, повторяю, от своего «фракийского тезиса» ученый никогда не отказывался, от книги к книге обогащая первоначальную картину все новыми деталями. В своих

работах 90-х годов он то и дело обращается к гомеровской «генеалогии Энея» (П. XX, 215-240), сплошь состоящей из легендарных имен, либо запечатленных в восточнобалканских топонимах, либо восходящих к ним [Gindin 1999:136; Гиндин 1993:37-38]. В нашей книге «Гомер и история Восточного Средиземноморья» Гиндин-Цымбурский 1996:197-198 специально обсуждался важнейший контекст П. П, 835-837, где во владения вассального Приаму троянца Асия Гиртакида наряду с собственно троянскими городами включается г. Сест (Σηστός) на противоположном европейском берегу Геллеспонта: Троя Гомера как бы перешагивает через пролив в Эгейскую Фракию и обе его стороны оказываются под троянским контролем – это при том, что море, омывающее троянское побережье, зовется в П. XXIII,230 «Фракийским морем».¹

Но важнее то, что с середины 80-х гг. Л.А.Гиндин шаг за шагом расширяет свой «фракийский тезис», распространяя его и на вклад в троянскую историю, внесенный такими балканскими племенами, которые едва ли могут быть причисляемы к фракийцам в собственном смысле. В поздних работах он много внимания уделяет дарданцам (Δάρδανοί, Дарδάνιοι) – центральнобалканскому этносу неясного лингвистического статуса, когда-то, в книге 1981г., вынесенному им за рамки обсуждения в силу часто предполагаемого для дарданцев «иллиризма» [Гиндин 1981: 123-124]. Между тем, в античное время наглухо отрезанные от Эгеиды пеонийцами и македонцами, дарданцы в какую-то более раннюю эпоху оставили заметный след на троянской земле – в местных названиях Δάρδανος, Дарδανία, в мифическом образе Дардана – якобы предка троянских царей. Традиционно данный этноним, как и родственное название двух кастелей Дардә-лара в балканской Дардании и в Верхней Мези сближаются с алб. dardhë «груша», широко представленным в албанской топонимике [Tomaschek 1980 I: 25; Meyer 1891:61; Çabej 1977], а dardhë как возможное продолжение *g'hordā многие этимологи роднят с греч. ἄρδος, вар. **а)крај**, **-адој** «дикая груша» [Mayer 1959:33; Frisk 1960-1970, I: 109, 203; Pokorný 1959:446]. Занимаясь дарданцами [Гиндин 1993:18; Gindin 1999: 81-83], Гиндин принял мое доосмысление данной этимологии, связующее и греч. **а)кердој**/**а)крај** < и.-е.*sm̥-g'herdo-/*sm̥-g'hṛd-, и алб.dardhë < и.-е.*g'hordā, как названия для колючего насаждения (см.Od. XIV,10, где **а)кердој** фигурирует в виде изгороди, окружающей дом свинопаса Эвмея), с основой, представленной в литов. žardas «загон», «сушильня для льна, зерна, гороха», žardis «стойло», «огражденный выгон», др.-прусск. sardis «изгородь»,

1. Фрак. $\Sigma\eta\sigma\acute{\tau}\omicron\varsigma$ относится к длинному списку фрако-(славяно-)балтийских изоглосс, ср. др.-прусск. *Sestin, Seestin* [Топоров 1977:96], далее такие образования, как литовск. *pasėstas* «сидение», слав. **nasěstь, *prisěstь*.

лтш. *zards* «сушильня», русск.диал. *зород, озород*, может быть в записях фригийского топонима *Mane-zardum, Mane-zordum*, если они на самом деле отражают некий сатемный эквивалент к фригийской форме *Mane-gordum* «Город Манеса» [Pokorny 1959:444; Kretschmer 1896: 231-232]. Такая реконструкция [Цымбурский 1987: 6-7; 1996: 285-286] позволяла по-новому объяснить приводимую Г.Мейером [Meyer 1891: 61] албанскую диалектную форму *dardhàn* «крестьянин», курьезно понимаемую им в смысле «*Birnbaumzüchter*»: на самом деле в *dardhan* можно бы видеть древнее обозначение для жителя огражденного места/ «хуторянина», «работника, трудящегося внутри ограды» (литовск. *žādininkas*). Это понимание не только давало бы неплохой смысл для др.-балк. $\Delta\acute{\alpha}\rho\delta\alpha\nu\omicron\iota$, $\Delta\alpha\rho\delta\acute{\alpha}\nu\omicron\iota$, но перекликалось бы и с гомеровским рассказом о Дардане – строителе некой Дардании как первого троянского поселения, якобы существовавшего еще до основания Илиона (II. XX, 216-217)². Однако, включая материал, относящийся к дарданцам в иннсбрукской книге, как и в предыдущей московской [Гиндин 1993], в раздел «Троянско-фракийских изоглосс» (что в 1981г. он полагал невозможным), Гиндин исподволь модифицирует понятие «фракизма» как культурно-лингвистическую характеристику Троады. Этот «фракизм», по сути, становится просто синонимом вовлеченности региона в судьбы Северо-Восточных и Центральных Балкан – с вытекающими отсюда этнокультурными и лингвистическими следствиями.

Еще нагляднее другой случай. Если в 1981г., разбирая гомеровский эпизод битвы Ахилла с явившимся на помощь Илиону пеонийским войском (II. XXI 124-384), Гиндин делал упор на гипотезу Д.Дечева о пеонийцах как «иллиризированных фракийцах» [Гиндин 1981 120-121], то позднее его мнение о пеонийцах резко меняется. Исходя из их соседства на Балканах с областью бригов – остатков перебравшихся в Анатолию фригийцев – и из доказанности теснейшего армяно-греческого и фригийско-греческого языкового родства [Solta 1960; Neumann 1988; Гиндин-Цымбурский 1995], он не только вслед за В.Георгиевым и О.Н.Трубачевым [Георгиев 1958 171; Трубачев 1991: 225] сближает пеонийские этникины $\Pi\alpha\acute{\iota}\text{-}\omicron\nu\epsilon\varsigma$, $\Pi\alpha\acute{\iota}\text{-}\omicron\lambda\lambda\alpha\iota$ с армянским самоназванием *hay-k'*, но прямо пишет о пеонийских племенах как о возможном балканском реликте праармян [Gindin 1999:233-236; ср. Гиндин 1993: 82-85]. Как ни относиться к этой гипотезе (см.

2. Нельзя упускать из виду, что имя троянских дарданцев (*D'rdny, Dr'dny*) засвидетельствовано в кадешских надписях Рамсеса II, перечисляющих вспомогательные отряды хеттской армии Муватталиса II [Gardiner 1960:57]. Приходится задумываться над

вероятностью того, что уже во II тыс. до н.э. какие-то из балканских диалектов могли, подобно позднему албанскому, отражать этимологический *gʰ как зубной смычный или акустически близкий к нему межзубный спирант (типа алб. dh).

впечатляющую изоглоссу греч. **ερεβοj** «мрак» ~ арм. erek «сумерки, вечер» ~ пеонийский гидроним Ερίων, совр. серб. *Црна река* «Черная река» < и.-е. *eregʷo- на фоне индоевропейских отражений той же основы без протезы в гот. riqis «мрак», др.-инд. rajas «мгла»), несомненно одно: новый взгляд на пеонийцев вписывался в реформирование исходного «фракийского тезиса». Теперь ученым допускалось, что глубокое воздействие на традицию Трояды могли оказать народы, в разные эпохи присутствовавшие на Северо-Восточных («фракийских») Балканах – пусть даже миновавшие этот ареал на пути к своим историческим местам обитания.

Именно такое переосмысление идеи «фракийской Трои» позволило Л.А.Гиндину открыть вторую фазу своих троянских изысканий, отмеченную нетривиальным истолкованием темы «лувийцев в Трояде». Эта тема стала для него по-настоящему приемлема тогда, когда его представление о «фракийской Трое» уже настолько модифицировалось, что «Троя лувийцев» ему могла увидеться естественным эпизодом в истории этой земли как части «Пра-Фракии». В 80-х гг. наше научное сотрудничество уже было весьма тесным, и я надеюсь избежать упреков в нескромности, если укажу, что в известной мере поводом этому повороту мысли Гиндина послужили три наблюдения, которые я сделал в кандидатской диссертации, написанной под его руководством.³

Первоначальный гиндинский образ «фракийской Трои» не предполагал древних контактов фракийцев с хетто-лувийскими племенами на этой земле. Самое большее – не исключался вторичный миграционный инфильтрат из исторических хеттских и лувийских областей Анатолии в Трояде, возможно, ответственный за такие известные переключки, как троян. Πρίαμος, имя-титул царя Илиона ~ лувийский ономастический элемент Prijama, «Первый, Лучший» или Πέρυαα, название троянского акрополя ~ хетт. parkus «высокий». Такое мнение было пересмотрено, когда открылось, что имя гомеровского персонажа, пришельца из Фракии в Трою и грозного камнеметателя Πεῖρος <*Perwos (II, 544-545; 517-544), товарища вождя Акаманта, в чьем облике у Гомера выступает «фракийский» Арес (II, V, 461 и сл.), генетически идентично хетт.-лув. ^dPirwa, имени конного бога, почитавшегося хеттами и лувийцами на скалах и возвышениях (<хетт. pirwa, rēgupa «скала, камень») [Цымбурский 1987: 9-11; Гиндин-Цымбурский 1996:252-260]. Патроним же Пейроса **imbrasidhj** (как Гиндин, вслед за А.Гётце, отметил

3. В те же годы гипотезу «лувийской Трои» на более скудной фактической базе пытался возродить К Уоткинс, ссылаясь на мотив «прихода из высокой Вилусы» (хетто-лувийское

обозначение Илиона) в лувийском ритуале жертвоприношения богу Суvasуна [Watkins 1986].

еще раньше, не вдаваясь в этимологию имени героя) соотносится не только с названием близкого к Троаде острова Имброса и эпиклезой его покровителя Гермеса Имбраса, но и с лувийскими наименованиями божеств сельской местности (лув.immara ~ хетт.kimmara): DINGIR MEŠ Imrašši, ^dImmaršiya [Гиндин 1981: 106-110]. В свете же родства имени Пирвы с именами индоевропейских божеств грозы – славянского Перуна и т.д. – особую значимость приобретает параллелизм имен гомеровско-фракийского Пейроса Имбрасида и одного из лувийских грозовых божеств – Полевого Бога Грозы *Tarḫunts Imrassis (KUB XXXV 54, П, 35/37: imrašša ^dIM-unti). Дело в том, что за именованим Пейроса Имбрасида проступал раннелувийский прототип вроде *Pirwas Imrassis, который мог быть древнейшим прообразом имени Полевого Тархунта. В данной формуле старый индоевропейский теоним оказался замещенным анатолийским новообразованием со значением «Бог-Герой, Победитель». Открытие пережитка образа Пирвы на Геллеспонте, да еще в характерно (пра)лувийском формульном воплощении стало свидетельством пребывания здесь пралувийцев и их древнего адстратного вклада в традицию раннефракийских обитателей этого края.

Кроме того, на проблему «лувийской Трои» прямиком выводила история одного легендарного троянского этноса, согласно Гомеру, обитавшего некогда на северо-востоке Троады в районе Зелей. Эта область зовется в «Илиаде» Λυκίη (V, 105, 173), а у схолиастов Гомера фигурирует как Λυκία Μικρά, Λυκία Τρωική «Малая Ликия, Троянская Ликия» (подробный обзор источников см. в: [Гиндин 1993: 48-53; Гиндин-Цымбурский 1996: 234-236; Гиндин 1990; Gindin 1999: 203-207]). Хотя уроженцы этой местности у Гомера никогда не смешиваются с южными ликийцами, но подчеркнуто именуются Τρωΐτες (II, Π, 847; V, 200), однако эпическая ономастика этой области насыщена ликийскими мотивами: там правит царь Λυκάων (<лув. *Luka-wana «уроженец страны Лука»), там почитается Аполлон Λυκη-γενής «рожденный в области Λυκη» (II, IV, 101, 119). Еще в 1984г. [Цымбурский 1984] я соотнес эти показания эпоса с известным фактом – появлением в середине I тыс. до н.э. в южной Ликии, наряду с обычными надписями на так называемом ликийском языке А(его обитатели сами себя звали trīmīli, греч. Τερμίλοι, Τρεμίλοι), также текстов на особом архаическом наречии той же лувийской семьи – ликийском В, который в самих этих текстах характеризуется выражением trujeli «потруйски, на языке области Труя». За именем термилов скрывается древний этноним *Atrim-ileš от названия области Atrim(m)a, одного из территориальных образований, размещавшихся в хеттскую эпоху на землях будущей Ликии [Carruba 1964: 287]. Тем

самым термины с их языком имплицитно укоренены в истории Юго-Западной Анатолии. Для носителей же «труйского» языка мы не имеем таких указаний, а попытки присвоить ему имя «милийского» и связать его со старым названием части Ликии – Милиада – совершенно произвольны. Я высказал догадку о том, что «труйцы» могли исторически представлять собою выходцев из Троянской Ликии, зелейских Τρωΰες – племя, оставившее по себе прочную память вблизи Геллеспонта, а в эпоху больших миграций конца II – начала I тыс. до н.э. перебравшиеся в южную Ликию, поближе к этническим сородичам. Правдоподобно, что именно «труйцы» перенесли на крупнейшую ликийскую реку Αρπία (~ хетт. arinna «источник») со стоящим на ней одноименным городом – столицей региона – название Ξάνθος, известное как второе имя главной троянской реки Скамандра. Вследствие этого переноса топонима южной Ликии обрела ощутимый троянский колорит [Цымбурский 1984; 1987а: 15-16; Гиндин-Цымбурский 1996: 240-245].

В том же 1984г. на нас с Гиндиным произвела большое впечатление статья Л.С.Баюн [Баюн 1984], показавшая, что глагольная редупликация в ликийском В противопоставляет настоящее время прошедшему. Эта особенность, выделяя ликийский В среди иных хетто-лувийских языков, явственно сближает его с языками «аугментной» общности – индоиранскими, греческим, что могло бы говорить о длительном пребывании его носителей на дальней окраине хетто-лувийского ареала в контакте с народами, говорившими на «аугментных» языках. Позднейшие наши статьи о прагреках в Троаде подтвердили мысль о том, что подобный контакт с конца III и на протяжении II тыс. до н.э. вполне мог осуществляться именно в троянском регионе.

Третье наблюдение касалось гомеровских воспоминаний о киликийских городах на юге Троады и об их разрушении ахейцами в ходе Троянской войны (Ил. I, 366-368, VI, 415-428). В этнониме киликийцев, греч. Κίλικες, благодаря его ассирийским фиксациям с IX в. до н.э. в виде Hilaka, Hilaku (ср. также араб. hlkun) может быть вычленена та же основа Hil(a)-, что представлена в хетт. ḫila «двор, в том числе храмовый», ḫilamar «привратная постройка», лик. A q̄la «храм, святилище», в древнеанатолийских личных именах Ḫilya, Ḫilani и т.д. Теоретическая возможность истолковать имя киликийцев в смысле «племя, обитающее возле храма, священного двора», «племя храмовников» разительно актуализируется в условиях Троады, где, по преданию, киликийские города размещались вблизи Киллы (Κίλλα), крупнейшего троянского святилища Аполлона, чтимого здесь под эпитетом «Киллей» (**Kil laioj** –Strabo XIII,1,61-63). Отождествимость троян. Κίλλα как названия культового центра с хетт.ḫila, лик.q̄la прочно соотносит внутреннюю форму имени центрально-и южноанатолийских киликийцев (Hilaku) как «Храмовников» с реалиями Троады [Цымбурский 1987: 16-17; Гиндин-Цымбурский 1996: 264-268].

В основном приняв мои соображения, Л.А.Гиндин ввел сведения о лувийских этносах на троянской земле в долгосрочную ретроспективу анатолийской истории и археологии. При этом дополнительной эвристикой ему послужила некогда выдвинутая П.Мериджи, а затем одобренная Э.Ларошем, О.Каррубой и Г.Нойманном мысль о том, что собирательное обозначение лувийских племен и областей в хеттскую эпоху –Lu(wi)ya - представляет преобразование более старой формы Lukka, выступавшей во II тыс. до н.э. названием группы стран на малоазийском юге, а позднее сохраненной в античных обозначениях Ликии и Ликаонии. Ссылаясь на факты спирантизации и выпадения -к- в лувийском, вроде хетт. lukka- «свет»: лув. luha-, хетт. šakuwa «глаз»: лув.dauwa, Гиндин расценивает Luk(k)a как племенное имя пралувийцев. И след этого праэтнонима он усматривает в зелейских формах Λυκάων, Λυκηγενής у Гомера, отражающих именно звучание Luka-, а не греческое Λυκία [Gindin 1999:196-223] (ранее [Гиндин 1990; 1993: 45-65]).

Эти языковые факты ученый сопоставляет с археологически документированной мощной миграцией со стороны Троады (примерно 2400-2100 гг.до н.э.) в места будущего расселения лувийцев – в Киликию с Тарсом, в долины Коньи, где пришельцы насаждают вариант культуры Трои II [Mellaart 1958: 28-30; Маккуин 1983: 23-25; Mallory 1989: 28-29]. По мысли Гиндина, разделяемой и мною, у себя за спиной переселяющиеся (пра)лувийцы оставили в Троаде отколовшиеся контингенты соплеменников, в том числе и группу *лукка*, осевшую в предгорьях Иды и усвоившую себе имя «троянцев». Это и могли быть те самые зелейские **Trwej**, которые позднее принесли «труйский» язык на юг в долину Аринны-Ксанфа (см. этот сюжет в [Gindin 1999: 201-211,303], ранее в нашей общей книге [Гиндин-Цымбурский 1996: 229-240,270]).

Эту реконструкцию подкрепили архаичные лувийские топонимы в районе Зелей. Таково, прежде всего, название взгорья Πειρωσός, где в VII- VI вв. до н.э. справлялись традиционные охоты лидийских царей (Strabo III, 1, 17) < *Perwossos «местность, посвященная Пейросу-Пирве» ~ лув. Pirwašša/i «принадлежащее Пирве». Таким образом, тема «Пирвы на Геллеспонте» оказалась прочно увязана с темой продвижения племен *лукка* (пралувийцев) в Троаду. Тем более, что в устье Гебра вблизи г.Эноса, мифической родины гомеровского Пейроса Имбрасида (II. IV, 520) лувийский след обнаруживается в названии двух мысов: Σαρπη-δών - лув. šarpa/i «поверх», лид. srfastid «верхнее», хетт. HUR SAG Šarpa «гора Высокая»⁴ - и рядом Σέρρειον, Serrium ~ лув. šarri «сверху», хеттское имя

4. Замечательно совпадение этого фракийского топонима с именем героя Сарпедона, считавшегося древним вождем ликийцев-термилов (Hdt.I, 173) и превращенного троянским эпосом греков в одного из участников битвы за Трою. Поскольку одноименный герой почитался и во Фракии как персонификация указанного мыса (Ard., II,5,9), а при

этом топонимический элемент -δων- представляет сугубо северобалканское, «фракийское» в ареальном аспекте (ср. Μακεδονία, Μυδονία и т.п.) отражение и.-е. *gʰdhom «земля» Šarriya «Высокий» [Цымбурский 1987б: 64; Гиндин-Цымбурский 1996: 261]. Можно вспомнить также и прозвище зелейцев **Trwej afneioi** (II, II, 825) или просто ἸΑφνεῖοι (Strabo XIII, 1,9), образованное от хетт.-лув. ḫappina «богатство» > греч. **afenoj** ἀφένος то же [Гиндин-Цымбурский 1996: 238].

Все эти результаты Л.А.Гиндин в начале 90-х попытался применить при реконструкции расселения индоевропейских племен в Северном Причерноморье в начале III тыс. до н.э. и великих передвижений, совершившихся за последующую тысячу лет. Надо вспомнить, что он, начиная с ранней статьи [Гиндин 1972], практически всегда поддерживал концепцию Р.Гусмани насчет тесных лексических связей хеттов с индоариями (но не с греками) [Gusmani 1968], из книги в книгу возражая оппонентам Гусмани (М.Майрхоферу и др.), которые пытались обесценить выявленные итальянским хеттологом многочисленные изоглоссы как якобы сохранные в обеих группах индоевропейские архаизмы [Гиндин 1981: 24-28; Гиндин 1993: 159-160; Gindin 1999: 295-296]⁵. Теперь же, утвердившись в версии прихода пралувийцев на юг Анатолии через «протофракийскую» Троаду и в рамках общей ревизии своего «фракийского тезиса», Гиндин заявляет, что для начала III тыс. до н.э. «протофракийские» культурные древности Северо-Восточных Балкан должны рассматриваться в равной мере как достояние примыкавших к тому же ареалу пралувийцев; более того, для Трои той эпохи нет археологической «возможности дифференцировать протофракийское и лувийское»

(=хетт. tekan, лув. клин. tijami, лув. ирогл. takami), напрашивается гипотеза, что скорее всего, образ Сарпедона сложился еще в эпоху пребывания пралувийцев на юге Эгейской Фракии, в тех местах, где мысу было присвоено это гибридное фрако-хетто-лувийское обозначение, и отсюда предки термилов перенесли этого героя на юг Малой Азии [Гиндин-Цымбурский 1996: 260-264].

5. Вслед за [Gusmani 1968:5-58], Гиндин придавал особое значение хетто-индоарийским соответствиям из области терминологии транспорта: др.-инд. dhūr- «упряжь» ~ хетт. turīya- «запрягать», др.-инд. īṣā «дышло» ~ хетт. ḫišša то же (при отличающихся формально и семантически авест. aeša «плуг», греч. **οἴαc, οἴηιον** «руль корабля»), **οἴηκεj** «какое-то приспособление на ярме» в II.XXIV, 269 и при близком к хеттской и индоарийской лексемам по значению, но различающемся с ними огласовкой слав. *oje, -se «дышло» [Frisk 1960-1979, II: 386; Pokorny 1959: 288]) см. подробное обсуждение хетто-индоарийской изоглоссы как эксклюзивной новации с нулевой ступенью огласовки и значением только «дышло повозки» в книге Гиндина 1981г. [Гиндин 1981: 28]. Одних этих параллелей было бы достаточно для недоверия к новой гипотезе К.Ренфрю, полагающего, что предки хеттов, якобы анатолийские автохтоны, отделились от прочих индоевропейцев, перебравшихся в Европу в VI тыс. до н.э., где праиндоиранцы обитали до 3000 г. до н.э. в единении с прагреками – в пределах так называемой «протоиндоевропейской балканской зоны», а затем двинулись в причерноморские степи [Ренфрю 2002:23-28]. Неужели же хетто-индоарийские термины для «дышла повозки» и

«упряжи» надо отнести к VII тыс. до н.э.? Осознает ли археолог Ренфрю, какие странные следствия для истории материальной культуры вытекают из его гипотезы? [Гиндин 1993 144].

Прафракийцы рядом с пралувийцами, прахетты рядом с предками индоариев, но на некотором расстоянии от прагреков (и от праиранцев) – на этих посылках основывается впервые предложенная в книге [Гиндин 1993] и воспроизведенная в иннсбрукской монографии карта-схема Причерноморья в IV - начале III тыс. до н.э. Согласно этой карте, в ту пору прахетты и севернее их пратохары должны были обитать примерно в бассейне Южного Буга, на верхнем течении этой реки, будучи отрезаны от Черного моря находившимися между нею и Днестром индо-иранцами. Восточнее Приазовья, между Днестром и Доном, прагреки группировались с близкородственными им прафригийцами и праармянами (думаю, что напрасно в том же ряду упоминаются македонцы, скорее всего, выделившиеся из прагреческого сообщества уже по ходу освоения вплотную Балканского полуострова). Пралувийцы же обитали у моря рядом с индо-иранцами на юго-восток от хеттов. Они занимали область между Южным Бугом и Дунаем, примыкая к начинающемуся южнее Дуная прафракийскому пространству и разделяя с ним многие культурные характеристики.⁶ Не вдаваясь в детальное обсуждение этой карты, замечу лишь, что из нее можно извлечь интересные импликации относительно размещения некоторых иных, непосредственно ею неохваченных праиндоевропейских групп. Так, показанное Г.Зольтой [Solta 1960] обилие армяно-германских изолекс дает основание локализовать прагерманцев до их передвижения на запад где-то к северу от грко-фригийско-армянского очага примерно на Среднем Дону. А это обстоятельство, в увязке с хетто-германо-италийскими соответствиями, значимо для ранней дистрибуции прадиалектов так называемой древнеевропейской общности.

Трансформация воссоздаваемого Гиндиным причерноморского племенного расклада IV – начала III тыс. до н.э., по его мнению, начинается с того, что пралувийцы-лукка начинают тянуться на юг и, двигаясь вдоль побережья(?), появляются в Эгейской Фракии, а затем, через проливы перемещаются в Троаду. Между тем, бросается в глаза следующее обстоятельство: названия племен на карте-схеме Гиндина размещены так, что собственно побережье Черного моря между Южным Бугом и Днестром, хотя и мыслится под индо-иранским владычеством, но картографически предстает как бы ничейной землей, открытой для смещения прагреков «со товарищи» к западу. Таким образом, исход пралувийцев в первой половине III тыс. до н.э. в направлении Пропонтиды, по мысли

6. Л.С. Баюн принадлежит список фрако-лувийских, особенно фрако-ликийских параллелей, частично остающийся на уровне требующих осторожности созвучий, но,

вместе с тем, содержащий до 6-7 убедительных изоглосс, говорящих в пользу реконструкции Гиндина [Баюн 1987], ср. [Калужская-Цымбурский 1990: 226]). составителя карт, стимулирует прагреков с праармянами и прафрагийцами двинуться вслед отдрейфовавшим» соседям и в свою очередь, покинув Приазовье, открыть прахеттам, пратохарам и индо-иранцам восточные пути, в частности, путь в Переднюю Азию через ущелья Кавказа (см. об этом: [Gindin 1999: 304-305] с почти дословным воспроизведением прежде изложенного в [Гиндин 1993: 166-167]). Таким способом автор пытается объяснить приводимые Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Ивановым хетто-лувийские формы из архивов Эблы, разрушенной примерно в 2300-2250 гг. до н.э., особенно название города *Nasuwān* или *Nazuwan*, позднее, в хеттскую эпоху *Ḫaššuwa* (в верховьях Евфрата) < хетт. *ḫaššu* «царь» [Гамкрелидзе-Иванов 1989: 37-38]. (Нельзя не упомянуть, что Гиндин всегда избегал прямого спора с «ближневосточной» версией индоевропейской прародины, предпочитая утверждать, что воссоздаваемая Т.В.Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым древнейшая стадия истории этой языковой семьи, даже в случае своей реальности, должна быть перемещена на глубину VII – V тыс. до н. э., до начала «курганной волны» М.Гимбутас, и лежит за хронологическими пределами его собственных научных интересов. Все прочерчиваемые на его картах миграционные стрелки для эпохи ранней бронзы неизменно исходят из Северного Причерноморья. Он уклоняется от апелляции к «ближневосточной прародине» даже тогда, когда она, казалось бы, подкупает самым простым решением, как в случаях с появлением хеттов на Верхнем Евфрате или с предположительно раннеармянской Хайасой в Восточной Анатолии XIV-XIII вв. до н.э.).

Итак, «лувийская Троя» для Л.А.Гиндина стала мыслима, когда он усмотрел в пралувийцах допустимую часть племен прафракийского (восточнобалканского) пространства. Но, сходным образом, предположение вероятного соседства пралувийцев-лукка и прагреков в Причерноморских степях с последующим поэтапным движением сперва первых, затем вторых, на восток к Балканам и к прорывам о крыла для него принципиальную возможность говорить не только о «Трое лувийской», но также и о «греческой Трое» [Гиндин 1993: 168-169], той, о которой когда-то писали К.Блеген и – до 1962г. – Дж.Меллаарт. Так возникла третья, для Гиндина уже заключительная стадия его троянских разработок – стадия, как я говорил выше, воплощенная в наших двух статьях и практически вовсе не отраженная в иннсбрукском издании. О результатах, достигнутых в это время, я хочу сейчас поговорить подробнее, ибо без их учета ссылки на Гиндина как апологета «фракийской» или «лувийской» Трои выглядят произвольными, не считающимися с конечной и вершинной точкой зрения ученого на гомеровскую Трою. Впервые в фокусе нашего совместного интереса оказался в те месяцы не слой «фракийского гальштатта», предшествующий на Гиссарлыкском холме (с существенным

временным разрывом, когда город лежал в запустении) греко-эолийской Трое VIII, и не раннебронзовое поселение III тыс. до н.э. – дальняя предыстория того «священного города», который ахейцы могли осаждать на исходе микенской эпохи. Нас интересовал непосредственно «Лаомедонтов город», Троя, с ее могучими стенами, с самого начала своего существования множеством примет культурного стиля и пристрастиями в сфере импорта ориентированная на Балканскую Грецию. Главный вопрос состоял в том, как связать этот культурный поворот в Трое (примерно с XVIII в. до н.э., по Блегену) и более ранний мощный накат на Северные Балканы во второй половине III тыс. до н.э. той миграционной волны, которую М.Гимбутас определяла как зародившуюся между Днепром и предгорьями Северного Кавказа «курганную волну IV» [Gimbutas 1974]. Вслед за М.Гимбутас, Н.Хаммонд в 1970-х годах усматривал продолжение этой волны в движении прагреческих племен на юг Балканского полуострова и распространении здесь различающихся по племенным группам форм захоронения в погребальных холмах-тумулусах [Hammond 1974].

На этом фоне мы пытались по-новому оценить феномен так называемой «серо-минийской» керамики в Трое VI и в Греции среднеэлладского периода. В 1960-х эта посуда широко использовалась К.Блегеном, Дж.Меллаартом и Л.Палмером как доказательство этнокультурного единения двух пространств, мыслилось ли их население при этом греческим или лувийским, как в малоправдоподобной интерпретации Л.Палмера, недолгое время принятой и Меллаартом [Blegen 1963; Mellaart 1958; Palmer 1962; Mellaart 1971]. Реакция на муссирование этого аргумента не заставила себя ждать: особенно резко она выразилась в утверждениях Д.Френча и его сторонников, утверждавших, что, якобы для Греции и Северо-Западной Анатолии речь должна идти о разных, лишь отчасти сходных видах посуды, развившихся в каждом ареале из особых местных прообразов [French 1974], ср.[Howell 1974]. Тем важнее то, что даже Д.Френч не исключал возможности выработки этих стилей в результате творческих связей между керамистами, работавшими по разные стороны Эгеиды, и отмечал появление в Трое VI предметов среднеэлладского импорта [French 1974]. В любом случае, писали мы, «..«серо-минийская» посуда значима как выражение культурно-стилевой конвергенции Трои с Грецией в первой половине II тыс. до н.э.» и «если бы тождество троянской и греческой керамики... было заблуждением археологов, показательным уже то, что ни одна страна, кроме Трои и соседних с нею территорий не могла бы ввести в подобное заблуждение» [Гиндин-Цымбурский 1994: 28]. Продолжение свое эта среднеэлладская культурная конвергенция обретает в том, как с начала возвышения Микен (XVII в. до н.э.), еще за 200 лет до начала собственно ахейской колонизации в Малой Азии, троянцы

принимаются ввозить микенские изделия. При этом вышедшая в Греции из моды «серо-минийская» керамика остается среди троянской верхушки чертой национального культурного стиля, вдохновляя троянцев на попытки имитировать микенские керамические формы в «серо-минийской» технике обжига [Blegen 1963:141; Blegen 1956:16, 48].

Понятно, что при этом для нас особый интерес должны были представлять примерно 500 «темных лет» в истории Трои, соответствующих ее периодам III-V (по Блегену, XXIII-XIX вв до н.э.) и разделяющих эпохи Трои II и Трои VI – два акматических пика в судьбе города. Нет прямых данных в пользу того, что Трою II сокрушили вторгшиеся прагреки, как допускал Дж.Меллаарт в 1958г. К.Блеген видел в обитателях Трои III группу троянцев, продолжавших в более скудном и примитивном варианте культуру великого города, возможно, погибшего из-за внутренней смуты. В то же время многозначительно, что «темные века» Трои синхронизируются с «курганной волной IV» на Северных Балканах, разрушением раннебронзовых поселений (Эзеро, Чернавода и др.), А поскольку строительству Трои VI и большим культурным новациям в троянской столице (включая культивирование здесь коневодства) не предшествовали сколько-нибудь значительные разрушения в предыдущем слое Трои V, похоже, что именно за «темные века» в этническом составе обитателей края произошли перемены, подготовившие утверждение в городе правящего слоя с новыми культурными ориентациями и предпочтениями.

С позиции лингвистов мы смогли показать, что троянская топонимика и мифологическая традиция содержат весьма архаичные греческие формы. Если иметь в виду характеристики древнемакедонского – ближайшего к греческому языка, но сохранившего этимологический интервокальный -s- (др.-макед. τελεστίας «военный танец» < и.-е. *k^weles-ya-, ср. греч. τέλος, -εος «цель, поворотная мета», слав.*kolo,-ese; **Вѣдеса** < *Wedes-ya «Водная Местность») и передающего в ряде случаев индоевропейские придыхательные в виде звонких (др.-макед. δάνος = греч. θάνατος «смерть», др.-макед **aiḥh** = греч. **aiḥh** и др.) – некоторые троянские грецизмы могут быть отнесены ко времени до распада греко-македонской общности, т.е., условно, к концу III тыс. до н.э. Иные же из них несут явную печать тех (пра)греко-индо-иранских контактов, которые должны были предшествовать началу движения племен «курганной волны IV» в сторону Эгеиды. Рассмотрим эти случаи.

1. Троян. **Alecanδροj** «Защитник мужей», второе имя Париса, сюда же Alakšanduš-хеттская передача имени царя, правившего в Вилусе (Илионе) на рубеже XIV-XIII вв. до н.э. Практически неизвестное как антропоним в архаической и классической Греции до

эпохи македонской гегемонии, оно зафиксировано в микенских табличках (MY V 659 a-re-ka-sa-da-ra = Aleksandrā), в легендах относящихся к микенским Персеидам и упоминающих некоего Александра как сына Эврисфея (Apd. II,8,1), а кроме того, как популярное царское и аристократическое имя в Македонии. Бытование этого композита в постмикенской Греции в качестве прозвания героини Александры – «защитницы мужей» в Лаконике и эпиклезы Геры **Alecanndroj** в Сикионе (Apd.III,19,6; Schol. Pind.Nem.IX,30) дополнительно подтверждает его статус глубокого раннегреческого архаизма, в частности, охватившего Трояду II тыс. до н.э. [Гиндин-Цымбурский 1994: 29-30].

2. Троян. *Κασάνδρα*, вар. *Κασάνδρα* – имя мифической Илионской пророчицы – македонское аристократическое имя *Κάσσανδρος*, популярное в Греции с конца IV в. до н.э., когда ею правил Касандр, сын Антипатра. А.Хойбек показал, что троян. *Κασάνδρα* < *k'ḡsti-энгā (с тем же первым элементом, что сохранен у греков, например, в гом. *Ναυσικάα* < *Nausi-k'ḡsā «Славная кораблями») представляет точное соответствие ведийской формулы *naḡām çāṃsah* «слава (от) мужей» и, далее, др.-инд. *Naḡāçāmsaḥ*, эпитета Агни и Пушана, посредников между людьми и богами, а также авест. *Nairyō-saṃha*, имени Бога-Вестника [Heubeck 1957: 276]. Надо сказать, что вариант *Κασάνδρα* может быть возведен к и.-е. *k'ḡs-энгā как сохраненная троянским преданием прагреко-македонская форма с интервокальным -s-, а сам образ троянской Кассандры, вѣщей, но проклятой Аполлоном и непонятой современникам пророчицы, способен выражать кризис мифологического мотива, истоками уходящего в пору греко-индо-иранской общности [Гиндин-Цымбурский 1995:30].

3. Названия двух рек в Миссии к югу от Трояды **Kaikoj**, тур. *Bakir-çay* «Медная река», т.е. «Река с рыжей водой», и **Kaustroj**, тур. *Ak-su* «Белая вода», т.е. «пенящаяся, кипящая», прозрачно объясняются через греч. *καίω* «пылаю» <и.-е. *kH₂eu-yo- , а во втором случае прямо через сближение с греч. *καυστήρ* «прижигатель», *καυστειρα* «горячая, кипящая (о битве)» [Гиндин-Цымбурский 1995: 33-34].

4. Троян. **Πιοj, -on**, ср. идентичные топонимы в Македонии и Фессалии (St.Byz.) – очаге расселения греков по Балканскому полуострову, и далее на Пелопоннесе **Πίου οἶoj**, гора со святилищем в Лаконике (Paus. III, 24, 6-8). Учитывая восстанавливаемый зрительный образ Трои VI как города на высоком холме, обвитом цепями террас, в его названии позволительно усмотреть тот же корень, что в литовск. *vielóti* «крутить», русск. *вильять*, белорусск. *вильць* «отклоняться от прямого пути», потенциально и в греч. **ιλlw** «кручу» <и.-е.*wil-yo. Если такая этимология греч. **ιλlw** правильна, то за хетто-

лувийской передачей названия Илиона в виде Wiluša, вар. Wilušiya вскрывается прагреческая форма перфектного причастия женского рода *wilusyə (polis) «крутая, закрученная (крепость)» - образование, аналогичное греч. «ведающая» <*widusyə, др.-инд. viduṣī [Гиндин-Цымбурский 1995: 32].

5. Названия рек: в Троаде **Apidanoj**, в Фессалии **Hpidanoj** или **Apidanoj**, на Пелопоннесе **Apidwh**, сюда же прозвище аркадян **Apidanhej** (St.Byz. s.v. **Απία**; Hdt. VII,129; Strabo VIII,3,32, IX, 5,6), все восходят к композиту *Hepi-dānu «водный поток» (ср. др.-инд. dānu «поток, жидкость», авест. dānu «река», осет. *дон* то же) с формульными соответствиями в ведийском (RV V,31,6 apo .. dānucitrāḥ «воды...блещущие потоками» и т.д.). Эта устойчивая гидронимическая формула в Греции и Троаде представляет такой же рудимент контактов прагреков с индо—иранцами, как и эпическое обозначение ахейских героев Δαναοί «данайцы», идентичное – с метрической метатезой долготы – авест. Dānava, названию неких приречных кочевников, вед.Dānavā как имени группы демонов. Перед нами явный след прагреческого передвижения на Балканы из Северного Причерноморья, изобилующего гидронимикой от данной основы, причем этот след захватывает Троаду [Гиндин-Цымбурский 1995 : 23-24].

К этим фактам, разобранным нами с Л.А.Гиндиным незадолго до его смерти, я мог бы сейчас добавить еще два.

6. Троянский гидроним Γρήνικος, вар. Γράνικος, давно сравниваемый с греч.κρήνη, дор. κράνα «источник» <*k'ḡsnā, ср. вар. κρονώς < *k'rosnos с тем же значением, др.-исл. hrönn «волна» <*hrazno [Frisk 1960-1970, 2:16]: далее др.-инд. ṣṛāpayati «варить, кипятить» [Елоева 1984], на деле может представлять вовсе не фракийское соответствие к κρήνη, как раньше думали мы с Гиндиным, вслед за В.Георгиевым [Гиндин-Цымбурский 1996: 198], а просто раннегреческое образование от этой же основы (по модели, которую имеем и в **Kaikoj**) с анлаутным колебанием kr-/gr-, довольно типичным для восточнобалканского ареала: ср. во Фракии этноним **Krhstwæj** ~ **Grastwæj**, в Дакии название реки Κρισός ~ **Grisia** и т.д.

7. Название г. **Abudoj** на севере Троады (П. II,836, XVI, 584) и родственное ему **Abudwh** в Македонии (Strabo VII, фр.20) объясняются благодаря глоссе **abudoh. Baqu**/ «глубокое» (Hes.), побуждающей связать их с греч. **abuqoj, abussoj**. «бездонный» от основы βυθός, -εος «глубь, дно моря», βυσσός < *βυθός то же. Надо сказать, что βυθός – один из трудных случаев греческой этимологии. В нем обычно либо усматривают метатезу и.-е. *dheub-(лит. dubùs «глубокий», dubur̥s «лощина», гот. diups «глубокий»,

латышск. *dubens* «дно», слав. **dъbno* то же [Pokorny 1959: 267]), либо допускают связь с $\gamma\theta\acute{\iota}\sigma\sigma\omega\nu - \delta\iota\omicron\rho\acute{\upsilon}\sigma\sigma\omega\nu$ «роющий, углубляющий» (Hes.), авест. *guda* «глубокий» <**gudh-* [Pokorny 1959: 465; Frisk 1960-1970: 276]. В последнем случае незакономерную мену анлаутного γ - на β - пытаются мотивировать влиянием форм вроде $\beta\alpha\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ «глубокий», $\beta\acute{\eta}\sigma\sigma\alpha$ «лощина», дор. $\beta\acute{\alpha}\sigma\sigma\alpha$ < и.-е. **g^wādh-* (упрощением этой основы, представленной также в др.-инд. *gāha* «глубина», *gāhana* «глубокий», др.-ирл. *baidim* «погружаюсь», собственно, и считается прагреко-иранское **gudh-*). Однако с неменьшим правом можно было бы предположить в $\beta\alpha\theta\acute{\upsilon}\varsigma$ <**budh-* некую вариантность по отношению к и.-е. **bhudh-* «дно»: др.-инд. *budhnà*, греч. $\beta\upsilon\theta\acute{\iota}\nu$ как случай очень раннего (празыкового) проявления закона Грассмана. При любом решении эта основа выглядит генетически «неправильной», может быть, из-за множественности влияний, участвовавших в ее порождении, но в самой своей «неправильности» предстает отличительной, если не сказать диагностической приметой греко-македонской (ср. др.-макед. **Abudwn**) группы. Важно, что, судя по названию Абидоса, этот диалектизм затронул и Троаду, причем передача этимологического придыхательного как звонкого побуждает видеть в троян. **Abudoj** либо прямой македонизм (что маловероятно), либо форму, восходящую к состоянию греко-македонской общности (и др.-макед. **Abudwn** с этим вполне согласуется).⁷

Эти дополнительные факты подтверждают главный вывод, к которому мы с Л.А.Гиндиным пришли в 1994г. – о том, что прагреки появились в Трое еще до размежевания с прамакедонцами, а значит – до начала широкого освоения Греции, скорее всего, еще в конце III тыс. до н.э. Опираясь на этот вывод, мы сделали следующий шаг – попробовали, вслед за О.Каррубой, пересмотреть отношение между греческим этнонимом Ἰαχαιοί и его хеттским соответствием Aḫḫiya , вар. Aḫḫiyawa , Aḫḫiyuwa . Обычно сторонники тождества Аххиявы с Ахейской Грецией видят в хеттских вариантах просто попытки передачи греческого слова – и это несмотря на то, что из греческого имя **Axaioi/** никак не объяснимо, а варьирование $\text{Aḫḫiya} : \text{Aḫḫiyawa}$ типично для малоазийской топонимии с такими дублетами, как $\text{Naššu} : \text{Naššuwa}$, $\text{Zalpa} : \text{Zalpuwa}$ и т.д. Уже 40 лет назад О.Карруба, объявив Aḫḫiyawa названием чисто анатолийским, вместо чтения **Axaioi/** предложил сопоставлять его с именем греков-эолийцев **Aiḫleij**, возводя последний этникон к **Aiawales* и далее к Aḫḫiyawales «жители страны Aḫḫiyawa » с раннелидийским выпадением ларингала по тому же типу, что в лид. **laiḫaj : tuḫannoḫaj** «тиран по-лидийски» (Hes.)< хетт. laḫḫiyalaš «воитель». О Карруба думал, что область будущей

7. Отражение названия македонского Абидона у Гомера как Αἰδών (Il., II, 849; XVI, 288) объясняется субстратной фонетической тенденцией: типичным для фракийского ареала смешением b/m, известным по таким примерам, как теоним Βενδῖς : Μενδῖς, гидроним Μάρυος : Βάρυος, местным названиям Βάστερα : Μάστερα, Δόβηρος : Domeros и др. [Дечев 1982:23].

греческой Эолиды на анатолийском северо-западе, охватывавшей Троаду и значительную часть Миссии и Лидии, носила название «Аххиявы/Аявы» еще до того, как здесь появились выходцы из Греции, принявшие имя эолийцев [Carruba 1964]. Обсуждая построение Каррубы, мы с Гиндиным отмечали, что он неоправданно игнорировал факты присутствия греков-эолийцев под этим именем также и на Балканах – в Фессалии (Hdt. VI, 176) и Этолии (Strabo X, 3,4), а, кроме того, не задумывался над подмеченной еще А.Фиком соотносимостью их этнонима со старинным названием Фессалии Αἰῖα (St.Byz.s.v)<*Aiwia. И тем не менее в предположениях итальянского ученого обнаружилось разительное «зерно истины». В 1920-х гг. Э.Форрер, анализируя известный хеттский документ начала XIII в. до н.э. «Письмо о Тавакалавасе», обратил внимание на контекст (кол.1, ст.12, публикацию см.: [Sommer 1932: 2 и сл.]), где к брату царя Аххиявы прилагается выражение ANA LUGAL aiawalaš. Э.Форрер истолковал этот оборот в смысле «царю над народом aiawala», т.е. над эолийцами [Forrer 1924: 10], и ни один оппонент Форрера – даже скрупулезнейший Ф.Зоммер – не смог опровергнуть это понимание. Праформа имени, реконструируемая Каррубой, непосредственно обнаруживается в хеттском источнике в связи с темой Аххиявы.

Но при этом у нас отнюдь не вызывали сочувствия попытки некоторых видных авторов разместить Аххияву времен Хеттской империи (XIV-XIII вв. до н.э.) в приморской Анатолии, в том числе и в области Троады [Carruba 1964: 298; Маккуин 1983: 35; Goetze 1975: карта 1; Howink ten Cate 1974]. В эту эпоху мы не находим места в Анатолии для могущественного царства, которое по силе приближалось бы к империи Хаттусаса и другим сверхдержавам позднебронзового Средиземноморья (Египту, Ассирии, Вавилону), но в то же время, находясь в непосредственной близости к хеттской метрополии, могло бы с нею геополитически «разойтись», не втянувшись в истребительную борьбу [Гиндин-Цымбурский 1996: гл.2,3]. Видя в Аххияве хаттусасских документов исключительно Ахейскую Грецию с центром в Микенах, с контролируемыми ею средиземноморскими островами и поселениями-колониями на малоазийской земле, мы, тем не менее, допускали, что в конце III – начале II тыс. до н.э. топоним Αἰῖα/Αἰῖαῶνα мог иметь иное применение. Эта «Пра-Аххиява», как ее предложил называть Л.А.Гиндин, могла примерно совпадать с областью распространения «серо-микенской» керамики в Малой

Азии, непосредственно охватывая земли будущей Эолиды, с Троадой, Миссией, частично Лидией до Бейджесултана. Мы предположили, что часть прагреков, придя в Эгеиду с «Курганной волной IV», заселила области «Пра-Аххиявы» и превратила туземное название этой своей промежуточной прародины в свое собственное имя. Причем это название «Пра-Аххиявы» у греков закрепилось в двух вариантах – воплотившись в этнонимах как ахейцев, усвоивших его себе в древнейшем облике с ларингалом, переданным через χ^8 , так и их сородичей эолийцев, каковые переняли от пралидийцев, по правдоподобной догадке Каррубы, вариант наименования страны с выпавшим ларингалом.⁹

Что же касается генезиса Трои VI, к написанному нами тогда я мог бы сейчас добавить один момент, ускользнувший от нас в 1994г., - греческий миф, по которому в строительстве твердынь Лаомедонтовой Трои богами Посейдоном и Аполлоном, участвовал также герой Эак, **Aiakoŋ** (Pind.Ol. VIII)<*Aiwakos собственно «человек страны *Aiwa (= *Aḥḥiyawa)».

Во время работы над статьями о прагреках в Трое Л.А.Гиндина увлекала научная перспектива, связанная с реабилитацией ранней идеи Меллаарта [Mellaart 1958], позднее многократно и несправедливо отвергавшейся самим этим археологом, - о Северо-Западной Анатолии как «промежуточной прародине» для значительной части прагреков, в конце периода ранней бронзы, после исхода из Северо-Причерноморских степей и до начала расселения основного их массива по Греции. Такая версия «промежуточной прародины» правдоподобна для предистории эолийцев, включая их ахейскую ветвь (но с другой стороны, на севере Троады названия Абидоса и Граника обнаруживают не эолийское, но типичное для ионийских и дорийских диалектов развитие слоговых сонантов). Первоначальная догадка Меллаарта лучше отвечает наличным фактам, в том числе фактам лингвистическим, чем иные интерпретации – будь то идеи самого этого автора о разных группах лувийцев в Трое VI или даже мысль Блегена о строительстве этого города контингентом греков, явившихся из уже обжитых ими Македонии или Фессалии. Последним образом древней Трои, над которым думал Л.А.Гиндин, был образ этой страны как ядровой части «Пра-Аххиявы» (она же – та самая **Aiā**, имя которой

8. С принятием исходности анатолийской формы и вторичности греческой, вызывающее много споров соотношение вокализма Aḥḥiyawa и AḥaiFoí может объясняться стремлением греков сохранить звучание имени наиболее близким к привычному, анатолийскому, избежать звуковых деформаций, связанных с превращением -χια-> -χја- и последующей палатализацией заднеязычного (ср. пример такого развития в тарάσσω «возбуждаю» <*tapaχjō при tapaχḥί «волнение» [Гиндин-Цымбурский 1995:19].

9. Наша гипотеза могла бы напомнить версию, в начале 1970-х выдвинутую Ф.Хоувинком тен Кате, насчет сосуществования в XIV-XIII вв. до н.э. «Аххиявы в узком смысле» -

якобы города в Анатолии и «Аххиявы в широком смысле» - греко-микенского мира. Однако в отличие от этого автора мы не усматриваем в документах Хеттской империи упоминаний о какой-либо Аххияве, которую нельзя было бы отождествить с ахейским политическим пространством. Поэтому «Пра-Аххияву» и известную хеттам Аххияву мы датировем принципиально разными временами.

мигрирующие эолийцы позднее перенесли на Фессалию). Если учесть, что с анатолийского северо-запада, по легенде, происходила воцарившаяся в Микенах династия Пелопидов-Атридов и что принц из Аххиявы еще в XIII в. до н.э. мог титуловаться «царем над *айавала*», нельзя исключить мысли будто завоевательные акции правителей позднейшей, микенской Аххиявы в Малой Азии (в частности, упоминаемая в «Письме о Тавакалавасе» борьба царя Аххиявы с хеттами за контроль над Вилусой) в значительной мере вдохновлялась памятью о «Пра-Аххияве» и никогда не обрывавшимися связями греков-ахейцев с этим регионом. В свете такой гипотезы по-новому оценивается культурная конвергенция Трои VI со среднеэлладской Грецией. А позднейшая Троянская война – по преданиям греков, последовавшая за первым «возвращением Гераклидов», наступлением в XIII в. до н.э. северобалканских негреческих племен на ахейские центры [Гиндин-Цымбурский 1996: гл 4], - неожиданно обретает черты реконквисты, отвоевания заморской прародины [Гиндин-Цымбурский 1995:35-36].

Монография «Троя, Фракия и народы древней Малой Азии», будучи взята вместе с последними статьями 1994-го года написания, позволяет сполна оценить достижения Л.А.Гиндина в той сфере, где он, без сомнения, сделал больше, чем любой иной автор конца XX в. В принципе каждый из трех образов Трои, в разное время разрабатывавшихся им, мог бы развиваться самостоятельно при игнорировании других. Троя – часть раннебронзовой «Пра-Фракии», археологическая родственница Эзеро, Юнаците, Караново VII, земля, покрытая фракийскими названиями, то обособляющаяся, то вновь интегрируемая часть восточнобалканского пространства. Троя – первый лувийский плацдарм в Анатолии, земля «Малой Ликии» под Идой, охраняемая Пирвой-Пейросом, сохранившая память о киликийцах и о зелейскх $\Gamma\rho\omega\text{Ш}\epsilon\varsigma$, возможно, том самом племени, что принесло в южную Ликию «труйский» язык и имя реки Ксанфа. Наконец, Троя – вероятное ядро «Пра-Аххиявы», эгейской «промежуточной прародины» прагреков, сохранившая языковые реликты эпохи греко-македонского единства, культурно породненный с Грецией город времени средней и поздней бронзы. Но для Гиндина в конце его пути ни один из этих образов не отрицал других. Идущие из III тыс. до н.э. лувийские элементы выступали частью прафракийского наследия троянцев, можно сказать, модификациями прафракийской этнолингвистической темы в троянской истории. Так, Пейрос Имбрасид, в реконструкции «Пирва на Геллеспонте», хозяин зелейского Пейросса и покровитель пришлых *лукка*-пралувийцев предстает у Гомера фракийским

вождем, напарником того героя Акаманта, в котором воплощается «фракийский Арес». С другой стороны, общая культурная ситуация Трои – несомненное усвоение ее жителями имени «тroyанцев», отсутствие военных потрясений при обновлении стиля, плана и облика города, его погребальный обряд – трупосожжение, сближающий его и с Фракией и с хеттской Анатолией, но резко отличающий его от микенской Греции, бытовые керамические формы, во многом общие для Трои VI и Фракии и резко оттеняющие парадную «серо-минийскую» и микенскую посуду [Hodinott 1981:58], – все работает на мысль о «слиянии отколовшейся части протофракийцев с обособившейся группой прагреков» в новую, хотя, возможно, внутренне напряженную, конгломератную общность [Гиндин-Цымбурский 1995:31]. Такой виделась тогда Л.А.Гиндину «гомеровская Троя». Правота этого взгляда, как я полагаю, подтверждается тем, что за важными сюжетными линиями «Илиады» (линии, связанные с героями-дарданцами, «Диомедия») прослеживается конфликт и борьба между северобалканским (с пралувийской инфильтрацией) и греческим вкладом в историю региона [Цымбурский 1996].

В заключение, следует очень высоко оценить работу немецких переводчиков и редакторов иннсбрукской монографии, сумевших местами облегчить непростой слог русского оригинала. Их труд увеличивает достоинства книги в глазах европейского научного сообщества, перед которым она замечательно представляет уровень российской индоевропеистики и российской филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баюн 1984 – *Л.С.Баюн*. Общелувийский глагольный тип (вопросы реконструкции)// Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
- Баюн 1987 – *Л.С.Баюн*. Фрако-анатолийские языковые связи в сравнительно-исторической перспективе// Античная балканистика. М., 1987.
- Гамкрелидзе-Иванов 1989 – *Т.В.Гамкрелидзе, Вяч.Вс.Иванов*. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // Вестник древней истории. 1989. № 1.
- Георгиев 1958 – *В.И.Георгиев*. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Георгиев-Мерперт 1979 – *Г.И.Георгиев, Н.Я.Мерперт, Р.В.Катинчаров, Д.Г.Димитров*. Езеро. Раннобронзовото селище. София, 1979.
- Гиндин 1972 – *Л.А.Гиндин*. Некоторые ареальные характеристики хеттского. I // Этимология 1970. М., 1972.
- Гиндин 1981 – *Л.А.Гиндин*. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.

- Гиндин 1990 – *Л.А.Гиндин*. Лувийцы в Трое (Опыт лингвофилологического анализа)// ВЯ. 1990. № 1.
- Гиндин 1993 – *Л.А.Гиндин*. Население гомеровской Трои. М., 1993.
- Гиндин-Цымбурский 1994 – *Л.А.Гиндин, В.Л.Цымбурский*. Прагреки в Трое //Вестник древней истории. 1994. №4.
- Гиндин-Цымбурский 1995 – *Л.А.Гиндин, В.Л.Цымбурский*. Троя и «Пра-Аххиява»// Вестник древней истории. 1995. № 3.
- Гиндин-Цымбурский 1996 – *Л.А.Гиндин, В.Л.Цымбурский*. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Дечев 1982 – *Д.Дечев*. Характеристика на тракийския език. София, 1982.
- Елоева 1984 – *Ф.К.Елоева*. Этимология др.-греч. κρήνη //Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984.
- Калужская-Цымбурский 1990 – *И.А.Калужская, В.Л.Цымбурский*. Международный симпозиум «Античная балканистика VI» (V Международный конгресс по фракологии)// Вестник древней истории. 1990. № 4.
- Маккуин 1983 – *Дж.Г.Маккуин*. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
- Мерперт 1988 – *Н.Я.Мерперт* // Советская археология. 1988 № 2 – рец на кн.: Korfmann M. Demircihüyük. Bd. I. Mainz am Rhein, 1983.
- Ренфрю 2002 – *К.Ренфрю*. Индоевропейская проблема и освоение степей: вопросы хронологии // Вестник древней истории. 2002. № 2.
- Топоров 1977 – *В.Н.Топоров*. К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Трубачев 1991 – *О.Н.Трубачев*. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Terra antiqua balcanica. VI. София, 1991.
- Цымбурский 1984 – *В.Л.Цымбурский*. Троянская Ликия и проблема этногенеза ликийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч.1. М., 1984.
- Цымбурский 1987а – *В.Л.Цымбурский*. Гомеровский эпос и этногенез Северо-Западной Анатолии. АКД. М., 1987.
- Цымбурский 1987б – *В.Л.Цымбурский* – Linguistique balkanique, 1987, XXX,I - Рец на кн.: Л.А.Гиндин. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
- Цымбурский 1996 – *В.Л.Цымбурский*. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии // Азия – диалог цивилизаций. СПб., 1996.
- Blegen 1956 – *C.W.Blegen et al.* Troy. V.3. The Sixth Settlement. Princeton, 1956.

- Blegen 1963 – *C.W.Blegen*. Troy and the Trojans. New York, 1963.
- Carruba 1964 – *O.Carruba*. Ahhiyawa e altri nomi di popoli e di paesi dell' Anatolia occidentale // *Athenaeum*, 1964, 42.
- Čičikova 1971 – *V. Čičikova*. Sur la chronologie du Halstattien Thrace // *L'ethnogenèse des peuples balkaniques*. Sofia, 1971.
- Çabej 1977 – *E. Çabej*. Emri I Dardhanisë dhe izoglosat shqiptaro-kelte // *Çabej E. Studime gjuhësore*. T. IV. Prishtinë, 1977.
- Dimitrov 1971 – *D.Dimitrov*. Troja VII b2 und die thrakischen und moesischen Stämme auf dem Balkan // *L'ethnogenèse des peuples balkaniques*. Sofia, 1971.
- Forrer 1924 – *E.Forrer*. Vorhomerische Griechen in den Keilinschriften von Boghazköi // *Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft*. 1924. Bd.63.
- French 1974 – *D.H. French*. Migration and "Minyan" pottery in Western Anatolia and the Aegean // *Bronze Age migrations in the Aegean. Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory*. Park Ridge, 1974.
- Frisk 1960-1970 – *Hj.Frisk*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Bd.1-2. Heidelberg. 1960-1970.
- Gardiner 1960 – *A.Gardiner*. The Kadesh inscriptions of the Ramesses II. Oxford, 1960.
- Gimbutas 1974 – *M. Gimbutas*. The destruction of Aegean and East Mediterranean urban civilization around 2300 B.C. // *Bronze Age migrations in the Aegean/ Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory*. Park Ridge, 1974.
- Gindin 1999 – *L.A.Gindin*. Troja, Thrakien und die Völker Altkleinasiens: Versuch einer historisch-philologischen Untersuchung. Innsbruck, 1999.
- Goetze 1975 – *A.Goetze*. The struggle for the domination of Syria (1400-1300)// *Cambridge ancient history*. V.II. Pt.2. Cambridge, 1975.
- Gusmani 1968 – *R. Gusmani*. Il lessico ittito. Napoli, 1968.
- Hammond 1974 – *N.G.L.Hammond*. Grave circles in Albania and Macedonia// *Bronze Age migrations in the Aegean. Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory*. Park Ridge, 1974.
- Heubeck 1957 – *A.Heubeck*. Weitere Bemerkungen zu den griechischen Personennamen auf den Linear B Tafeln // *Beiträge zur Namenforschung*. 1957. Jg.8.
- Hodinott 1981 – *R.F.Hodinott*. The Thracians. London. 1981.
- Houwink ten Cate 1974 – *Ph. Houwink ten Cate*. Anatolian Evidence for Relations with the West in the Late Bronze Age // *Bronze Age migrations in the Aegean. Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory*. Park Ridge, 1974.

- Howell 1974 – *R.J.Howell*. The origins of the Middle Helladic culture // Bronze Age migrations in the Aegean. Proceedings of the First International colloquium on Aegean prehistory. Park Ridge, 1974.
- Kretschmer 1896 – *P.Kretschmer*. Einleitung in die Geshichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Mallory 1989 – *J.P.Mallory*. Search of the Indo-Europeans. Language, archaeology and myth. London, 1989.
- Mayer 1959 – *A.Mayer*. Die Sprache der alten Illyrier. Bd.2, Wien, 1959.
- Mellaart 1958 – *J.Mellaart*. The end of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean // American Journal of Archeology. 1958, 62.1.
- Mellaart 1971 – *J.Mellaart*. Anatolia c.4000-2300 B.C.// Cambridge ancient history. V.I.Pt.2. Cambridge, 1971.
- Meyer 1891 – *G.Meyer*. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891.
- Neumann 1888 – *G.Neumann*. Phrygisch und Griechisch. Wien, 1888.
- Palmer 1962 – *L.R.Palmer*. Myceneans and the Minoans. New York, 1962.
- Pokorny 1959 – *J.Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd.I. Bern; München, 1959.
- Solta 1960 – *G.R.Solta*. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien 1960.
- Sommer 1932 – *F.Sommer*. Die Ahhijava-Urkunden. München, 1932.
- Tomaschek 1980 – *W.Tomaschek*. Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Wien, 1980.
- Watkins 1986 – *C.Watkins*. The language of the Trojans // Troy and the Troian War/ Bryn Mawr, 1986.